

Клаудио Наполи
Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской
литературы и Материалы
Заметки об одном сибирском проекте

Описание проекта: структура и концепция

Новосибирская филологическая школа одна из самых динамичных в России и представляет собой достаточно интересное явление для западных специалистов, желающих подробнее исследовать научные зауральские инициативы.

По этому поводу, стоит обращать внимание на проект, разработанный новосибирским филологическим институтом Сибирского Отделения Академии Наук.

Под руководством Елены Константиновны Ромодановской коллектив, состоящий главным образом из сибирских филологов (хотя присутствуют и активные в европейской части России и за рубежом ученые, такие как Н. Д. Тмарченко, Т. А. Китанина, С. В. Савинков и другие), составлял в течение 13-и лет *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы*¹ и дополнительную серию *Материалы к словарю мотивов и сюжетов* (в 2009-м году был выпущен восьмой сборник статей)².

© Claudio Napoli, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Е. К. Ромодановской, под редакцией, *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание*, вып. 1, Новосибирск 2003; вып. 2, Новосибирск 2006; вып. 3, Новосибирск 2008.

² Серия составлена из следующих выпусков: От сюжета к мотиву, Новосибирск 1996; Сюжет и мотив в контексте традиции, Новосибирск 1998;

Что касается *Словаря-указателя*, то изданы по сей день три выпуска, последний из которых вышел в 2008—2009 гг. В них приведены словарные статьи о мотивах и сюжетах, появившихся в русской литературе с времени ее возникновения вплоть до современности. Словарные статьи распределены по специфическим тематическим категориям. Первый том словаря разбивает мотивный и сюжетный ракурс русской литературы XIX—XX вв. на три основные тематические группы: сюжеты библейские, мифологические (народная мифология и демонология) и царские (фигура и символика царя и царской власти в художественном творчестве). Второй том рассматривает сюжетный состав русской литературы по сюжетам западноевропейской литературы и календарной тематики. Третий же том содержит сюжеты, связанные с представлениями об античной культуре, ее мифологии и истории.

Словарь был придуман его составителями не как критическая энциклопедия сюжетов и мотивов русской литературы, но как простой справочник: в каждой словарной статье определяется литературное происхождение рассматриваемого мотива или сюжета и приводится перечень русских произведений, которые его позаимствовали и разработали.

Каждый раздел включает комплекс весьма древних мотивов/сюжетов, часто обращавшихся в мировой литературе. Изыскания составителей Словаря, однако, сосредоточены на выявлении их присутствия в одной русской литературе.

Несколько слов о содержании первого выпуска: первый раздел посвящен библейским персонажам, во втором же встречаем словарные статьи, касающиеся, например, договора с дьяволом, града Китежа, охоты на ведьм, ожившей статуи. В третьем разделе присутствуют такие сюжетно-мотив-

---

Литературное произведение: сюжет и мотив, Новосибирск 1999; Интерпретация текста: сюжет и мотив, Новосибирск 2001; Сюжеты и мотивы русской литературы, Новосибирск 2002; Интерпретация художественного произведения: сюжет и мотив, Новосибирск 2004; Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе, Новосибирск 2006; Сюжет, мотив, история, Новосибирск 2009.

ные статьи, как неузнанный царь, гордый царь, лжецарь и т. д.

Во втором выпуске собраны сюжеты, позаимствованные из западноевропейских литератур (например, Гамлет и Дон Кихот) и русской календарной традиции. Последний раздел приводит рождественские и пасхальные сюжеты.

В третьем выпуске рассматриваются сюжеты и мотивы античной мифологии и истории древности. Выпуск разделен на две части, которые были опубликованы отдельно. Первая часть, опубликованная в 2008-м году, включает два раздела: мотивы/сюжеты о взаимоотношениях между богами и смертными, мотивы/сюжеты о героях и их подвигах. Вторая часть была опубликована в 2009-м году. В отличие от первой части, в ней рассматриваются сюжеты, посвященные конкретным историческим лицам древности или связанные с попаданием античных героев в сакральные пространства/времена.

Процесс практического собирания материала и составления словаря подготавливался и сопровождался разработкой теоретической и методологической концепции справочника. Эта задача была осуществлена серией *Материалы к словарю мотивов и сюжетов*, которая, по признанию самой Ромодановской, была придумана в качестве дополнительной исследовательской части к самому *Словарю-указателю сюжетов и мотивов русской литературы*.

Материалы состоят из статей и докладов, прочитанных в Новосибирске на семинарах, посвященных проблеме мотива и сюжета в русской литературе

Опубликованные в *Материалах* статьи уточняют концептуальные основания проекта и различные теоретические задачи, с которыми составителям Словаря приходилось сталкиваться при разработке справочника. Если предельно упростить, то можно считать *Материалы* открытой читателю исследовательской «лабораторией» *Словаря*. Потому-то очень важно понять, что и *Словарь-указатель* и *Материалы* неотделимые друг от друга части единого ученого труда.

«Сюжет» и «мотив» в литературе: критико-концептуальные направления проекта

Авторами *Материалов* уделялось достаточно много внимания определению функционального значения мотива и сюжета как нарративных структурных элементов. В статье Э. А. Бальбурова *Мотив и канон*, которую правомерно считать программным изложением теоретической концепции серии в ее целом и *Словаря*, утверждается, что понятие мотива в литературоведении образовалось вследствие необходимости для исследователей «найти устойчивые инварианты художественного содержания»³, и что сам мотив является «ключевой единицей художественной семантики»⁴, чья инвариантная определенность легко вычленяется из «линейно-временного» текста. Согласно Бальбурову, сюжет является художественной экспликацией мотива, принявшей в себя некоторые жизненные подробности. С такой точки зрения, можно воспринимать сюжет осуществлением иконической инвариантной каноничности мотива в дискретных повествовательных образах художественного произведения.

Схожие рассуждения встречаются и в другой «программной» статье серии — *Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему)* Н. Д. Тамарченко. По мнению исследовательницы, мотив — цикличная, архетипическая ситуация, поэтому его правомерно считать общим элементом в составе сюжетов различных произведений, возникавших в различные эпохи: иначе говоря, внешнее дискретно-художественное оформление конкретного сюжета обнаруживает и «овеществляет» внутренний смысловой инвариант мотива⁵, который видная новосибирская исследовательница Н. Меднис довольно удачно уподобляла бестелес-

---

³ Э. А. Бальбуров, *Мотив и канон, в Сюжет и мотив в контексте...*, с. 6.

⁴ Он же, *Там же*, с. 8.

⁵ Н. Д. Тамарченко, *Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему)*, в *там же*, с. 38, 41, 43.

ной душе, которой дано в каком бы то ни было тексте обрести любое воплощение благодаря сюжету⁶.

Очень сложно определить для *Материалов* общую критическую школу или хотя бы общую направленность: каждый исследователь работает абсолютно самостоятельно и независимо от остальных ученых. Весьма ощутимо, однако, влияние критических литературоведческих позиций Тартусской школы. Из концепций Ю. М. Лотмана, составители *Материалов* обратили особенное внимание на дуалистическое определение мотива и сюжета как, соответственно, иконической и словесно-дискретной языковых установок и на их диалектическое (гомеоморфическое) соотношение, которое и обусловило переход человеческого мышления от мифа к линейно-временному, «эксцессивному» художественному повествованию⁷.

Сопоставление Словаря и Материалов с другими тематическими словарями: экспериментальность и научная новизна проекта

В центре внимания филологов, внесших свой вклад в создание серии — не только теоретические проблемы сюжетообразования, но и исследование конкретных сюжетов в их историческом развитии в рамках довольно широкого хронологического отрезка (от начала XVIII в. до современности).

Пожалуй, именно в этом и состоит самая главная инновационная черта *Материалов* и составленного по ним *Словаря*: до этих работ, все известные определения мотива в русской литературе принадлежали трудам, посвященным преиму-

---

⁶ Н. Е. Меднис, *Мотив воды в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»*, в *Роль традиции в литературной жизни эпохи*, Новосибирск 1995, с. 79.

⁷ Ср. Ю. М. Лотман, *Избранные статьи*, Таллин 1992, т.1, с. 36-37, 125, 225-226, 243-244; Он же, *там же*, т.3, с. 95.

щественно средневековой литературе и фольклору⁸. Сама Ромодановская признает, что именно фольклорные словари-указатели, на которых оказали непосредственное влияние тематологические теории Аарне и Томпсона⁹, послужили главным образцом для мотивно-сюжетного *Словаря*¹⁰.

Фольклорные семантические сферы привели к многочисленным попыткам систематизации внушительного, порой просто необъятного материала и идеально относятся к «каноническому» (по определению Лотмана) искусству, в котором и мотив, и вытекающие из него сюжеты еще полностью сохраняют свою концептуальную, дедуктивную чистоту.

Процесс обмирщения русской литературы во многом нарушил эту чистоту, и художественные мотивные структуры, естественно, обросли новыми неканоническими семиотическими пластами. Деканонизация текста, отразившись в первую очередь на цельности мотива как ключевой единицы художественной семантики, лишила его прежнего инвариантного характера. Вследствие этого, вторжение «дискретности» и нарочитой случайности в современный сюжетный текст крайне усложнило взаимоотношения мотива и раскрывающих его сюжетов: художественность современного текста достигается за счет нарушения канонической нормы, из-за чего

---

⁸ См. В. Пропп, *Указатель сюжетов*, в *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева*, т. 3, Москва 1958, стр. 454—502; К. В. Чистов, *О сюжетном составе русских народных преданий и легенд*, в *История, культура, фольклор и этнография славянских народов*, Москва 1968; Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. Р. Кабашников, Н. В. Новиков, под редакцией, *Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка*, Ленинград 1979; Ю. И. Смирнова, *Восточнославянские баллады и близкие им формы: опыт указателя сюжетов и версий*, Москва 1988; Н. А. Криничная, *Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий*, Петрозаводск 1990; Ю. И. Смирнова, *Восточнославянские былички о змее и змеях. Указатель сюжетов и тексты*, Омск 2000 и др. В рамках древнерусской литературы выделяется *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, где рассматриваются такие ключевые для памятника мотивы, как «берег реки», «боярин», или сюжеты как княжеские распри и междоусобицы (см. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, С. А. Семячко, О. В. Творогов, *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, тт. 1—5, Спб. 1995).

⁹ А. Aarne, *Verzeichnis der Märchentypen*, Helsinki 1910; S. Thompson, *Motif-Index of Folk-Literature*, тт. 1—6, Copenhagen-Bloomington 1955, 1958.

¹⁰ *Словарь-указатель...*, вып.1, стр. 3—4.

сюжетов становится все больше, они нестандартны и непохожи друг на друга, в то время как мотив теряет свою четкую узнаваемость и очень легко контаминируется всевозможными сюжетными «вкраплениями»¹¹.

Потребность в научном труде, который бы исследовал и хотя бы частично упорядочил этот стихийный процесс, давно назрела в русистике. Новосибирский проект старается выполнить такую задачу.

Конечно, нельзя обойти вниманием такие фундаментальные западноевропейские (в частности, английские, немецкие и итальянские) труды, как *Dictionary of literary Themes and Motifs* Ж. Сэньоре¹², *Dizionario dei temi letterari* Р. Чезерани, М. Доминикелли и Д. Фазано¹³, *Themen und Motive in der Literatur* Г. Деммриха¹⁴ и ряд словарей Е. Френцель¹⁵. Однако, эти работы придерживаются отличного от сибирской серии исследовательского подхода: например, итальянский *Dizionario dei temi letterari* отличается богатейшим набором разбираемых мотивов. Но, несмотря на тщательный анализ литературной истории, который провели составители этого труда, выбранная методика (приведение одних мотивных словарных статей и полное отсутствие сюжетных, за исключением краткого указателя в приложении¹⁶) ослабляет не только функциональную связь между мотивом и сюжетом, но и саму возможность проследить органичное развитие сюжетов в литературе. Новосибирский *Словарь* пытается максимально сохранить мотивно-сюжетную связь и не усложнить «выслеживаемость» сюжетов в русской литературе. Кроме того, все упомянутые западноевропейские работы, при своем

---

¹¹ Ср. Бальбуров, указ. соч., стр. 13-16, 19

¹² J. Seigneuret, *Dictionary of literary themes and Motifs*, Westwood 1988.

¹³ R. Ceserani, M. Dominichelli, G. Fasano, *Dizionario dei temi letterari*, Torino, 2006.

¹⁴ H. Daemmrich, *Themen und Motive in der Literatur*, Tübingen, Basel 1995

¹⁵ E. Frenzel, *Stoff- und Motivgeschichte*. Stuttgart 1974; Она же, *Stoff-, Motiv- und Symbolforschung*, Stuttgart 1978; Она же, *Stoffe der Weltliteratur. Lexikon*, Stuttgart 1983; Она же, *Motive der Weltliteratur*, Stuttgart 1992.

¹⁶ См. R. Ceserani, M. Dominichelli, P. Fasano, указ. соч., т.3, стр. 2821—2882.

огромном значении, посвящены не русской, а мировой словесности и дают скорее общее представление о влиянии мифологических или литературных мотивов на ее становление в течение веков. В этих трудах детальное изучение развития мотивов и сюжетов в одной русской литературе не является специальной, исключительной задачей составителей. По этому поводу, небесполезно рассмотреть упоминания о сюжете Медеи в словаре Чезерани. Тематических словарных статей, посвященных в словаре этому сюжету, довольно много. В частности, выделяется тематическая статья *Детубийство*, где находим самое тщательное исследование (в рамках словаря Чезерани) литературной истории сюжета Медеи: цитируются классические Медеи Еврипида, Аполлония Родийского и Валерия Флакка; упоминаются «современные» Медеи Корнеля (1635), Д. Б. Никколини (1814), Ж. Ануиля (1941), К. Альваро (1949) и К. Вольф (1996)¹⁷. Полностью отсутствуют какие-либо упоминания о русской традиции в заимствовании этого сюжета. Как мы увидим ниже, новосибирский Словарь доказал, что эта традиция, наоборот, существует и достаточно богата.

В области тематических словарей, посвященных русской литературе, нужно упомянуть замечательный труд польской ученой Элизы Малэк¹⁸, составившей сюжетный словарь, включающий 414 сюжета, использованных в русской литературе XVII-го и XVIII-го века. Несмотря на великую ценность и высочайший профессиональный уровень сюжетного словаря польской ученой, хронологическая и тематическая установка труда сосредоточена исключительно на последнем, переходном веке древнерусской литературы и на первом веке современной русской словесности. Кроме того, ученая решила исключить мотивы из своей исследовательской перспективы.

---

¹⁷ См. Они же, *там же*, t.2, стр. 1156

¹⁸ E. Malek, *Русская нарративная литература XVII—XVIII вв.: опыт указателя сюжетов*, Łodz 1996; Она же, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII—XVIII вв.*, Łodz 2000.

Наоборот, новосибирский словарь не задается целью проводить тщательный критический анализ мотивно-сюжетных тем в рамках мировых литератур или отдельного периода русской литературы. Как мы уже уточняли, в *Словаре-указателе* фиксируется полная динамика появления и существования мотивов и сюжетов одной русской литературы со средневековья до наших дней: до него подобная динамика никогда по-настоящему не исследовалась.

Методология Словаря

Прослеживание эволюции мотивов и сюжетов в русском литературном наследии главнейшая задача современной тематологии: глубокие и точные тематологические знания являются необходимым условием для более верного понимания идейного развития этого наследия и представляют вспомогательную основу для критического изучения художественных текстов, в нем появившихся.

Как именно проводится изучение этой эволюции в *Словаре*?

Строить *Словарь* исключительно по условной структуре семантического древа сюжетов оказалось сугубо теоретическим и мало приемлемым на практике подходом¹⁹. Оказалось, что единственная возможность «на практике» – это составить *Словарь* так, чтобы он полностью отражал эволюцию мотивных построений и их преломления в сюжетообразовании. Иными словами, при составлении сюжетных словарных статей, перечислялись произведения, в которых представлен какой-то определенный сюжет, связь которого с каким-либо мотивом была по возможности зафиксирована при помощи исследований и статей по сюжетологии, сопоставительному анализу и интертексту, размещенных в *Материалах* или в других изданиях²⁰.

---

¹⁹ *Сюжет и мотив в контексте...*, с. 3-5.

²⁰ См., например, *Словарь-указатель...*, вып.1, с. 65–66, где приводится статья о сюжете Саула в русской литературе и о воплощенном этим персо-

Практический пример выбранной составителями методологии предоставлен статьей Ю. В. Шатина *Муж, жена и любовник: семантическое древо сюжета*, опубликованной в *Материалах*²¹. Шатин приводит схему появления и распространения в русской литературе мотива о супружеской измене. Сначала ученый устанавливает повествовательные инварианты данного мотива (временное отсутствие мужа, появление персонажа, которому суждено стать любовником, падение жены). За этим следит разработка структурного древа вытекающих из этого мотива сюжетов, которые распределяются на шесть групп: 1) прощение любовника, 2) осмеяние любовника, 3) смерть любовника из-за несчастного случая, 4) убийство жены и любовника, 5) убийство (или самоубийство) одной жены, 6) убийство мужа. Для каждого пункта (за исклю-

---

нажем специфическом мотиве отвергнутого Богом царя:

«[...] **Саул** — воплощение правителя, поставленного на царство по воле Бога, но ставшего ему неудобным (1 Цар. 8—31). См. также **Давид**.

Иов, патриарх «Повесть о житии царя Феодора Ивановича» (до 1604)

А. С. Пушкин «Борис Годунов» (1824—1825)

А. И. Герцен «Былое и думы» (1852—1868)

Библиография: *Лотман Л.* Судьбы царей и царств в Библии и трагизм истории в «Борисе Годунове» // *Коран и Библия*. С. 101—108

а) гусли Давида/музыка исцеляет страждущую душу царя (1 Цар. 16:23)

Г. Р. Державин «Целение Саула» — см. *Лотман Л.* Указ.соч.

Н. М. Языков «Поэту» (1831)

М. Ю. Лермонтов «Еврейская мелодия» (1836)

М. И. Цветаева «Отрок» (1921)

О. А. Седакова «Давид поет Саулу» (цикл «Ворота, окна, арки», 1979—1983)

б) последние годы правления омрачены жестокостями -перед решающим сражением с филистимлянами обращается к прорицательнице- она вызывает тень пророка Самуила и предсказывает Саулу гибель (1 Цар. 28: 7—19)

Л. А. Мей «Эндорская прорицательница» (1857)

В. Я. Брюсов «Огненный ангел» (1907—1908)

И. С. Шмелев «Лето Господне» (1934—1944, полное издание 1948)

[...].»

²¹ Ю. В. Шатин, *Муж, жена и любовник: семантическое древо сюжета*, в *Сюжет и мотив в контексте...*, стр. 56-63.

чением пятого) приводится список русских произведений, разработавших сюжетные группы рассматриваемого мотива. Пятый пункт разделяется еще на три дополнительных подгруппы: 1) убийство застигнутой врасплох жены, 2) убийство невинной жены, 3) самоубийство покинутой любовником жены. После дополнительного распределения сюжетной категории «убийство (или самоубийство) жены» на три подгруппы, и в пятом пункте приводится список русских произведений, которые развили сюжеты этих специфических подгрупп. Заканчивая словарную статью, Шатин выделяет еще одну тематически сходную с мотивом супружеской измены, но типологически вытекающую из совершенно другого семантического древа сюжетную группу: речь идет о составе произведений, в которых не соблюдены повествовательные инварианты рассматриваемого мотива (в эту очередную группу Шатин включает Повесть о Петре и Февронии и лермонтовские Песня про купца Калашникова и Тамбовская казначейша).

Вышеприведенная схема, опубликованная в выпуске *Материалов* 1998 года (значит, за пять лет до издания первого выпуска *Словаря-указателя*), была разработана Шатином в качестве вспомогательного первоначального образца для составления мотивно-сюжетного «древа» словарных статей. Модель Шатина оказалась вполне приемлемой для составителей проекта, поскольку занесенные в *Словарь-указатель* статьи, в большинстве своем, придерживаются методологии, заложенной работой ученого.

Иногда составители указывают в словарных статьях не какую-то определенную мотивно-сюжетную тему, а связанное с ней имя литературного героя, часто ссылаясь на работы, опубликованные в *Материалах*²² или на какую-нибудь другую специфическую библиографию. По понятным причинам, этим методологическим подходом отличается преиму-

---

²² Например, статья об Агасфере, размещенная в первом выпуске *Словаря*, дополнена ссылкой на статью Ф. З. Слепцовой *Библейские мотивы в «Агасфере» В. А. Жуковского*, опубликованную в *Материалах* 1998 года (см. *Словарь-указатель...*, вып. 1, стр. 15–16).

щественно третий выпуск Словаря. Имена персонажей греко-римской мифологии и древней истории почти естественно ассоциируются с определенным составом устойчивых сюжетов, через которые легче зафиксировать мотивы. Имя Медеи, например, связан с конкретным и определенным сюжетом, наделенным более или менее однозначным повествовательным ракурсом. В соответствующей статье *Словаря* излагается история Медеи, затем приводится список современных монографий, посвященных сюжету колхидской героини. За этими предварительными данными следит «дерево» возникновения и существования сюжета в России с 1771 (*Елисей, или раздраженный Вахк* В. И. Майкова) вплоть до 2006 года (*Бессмертные герои* В. Леженды). Несколько произведений (такие как, например, *Медея* Озерова и *Медея и ее дети* Улицкой) сопровождаются дополнительными библиографическими указаниями. Словарная статья завершается библиографией русских критических работ, устанавливающих более четкую связь между литературным сюжетом Медеи и его архетипическими мотивами²³.

Словарная статья о Мее достаточно наглядно показывает тщательную работу, проделанную составителями словаря. Несмотря на это, вызывают недоумение несколько неточностей. В списке произведений-рецепторов отсутствуют *Повесть о златом руне волшебного овна в Хронографе 1617 года* и *Троянская История*, являющаяся древнерусским переводом латинского романа 13-го века *Historia Destructionis Troiae* сицилийского поэта Гвидо де Колумны. *Троянская История* оказала глубокое влияние на становление на Руси рыцарских повестей и приключенческого романа²⁴. *Троянская История* впервые изобразила немислимым для древнерусской ли-

---

²³ *Словарь-Указатель...*, вып. 3, стр. 234–236.

²⁴ *Троянская История* сыграла первостепенную роль в разработке первых двух сюжетообразующих элементов любовно-авантюрных повестей XVIII в., т. е. темы мгновенной любви и ее пребывания в тайне. См. полную схему сюжетообразующих элементов, составляющих структуру любовно-авантюрных повестей, у: Т. Н. Аписит, *Об особенностях структуры русских повестей с любовной тематикой (первая половина XVIII в.)*, в *Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма*, Новосибирск 1985, с. 122.

тературной нормы реализмом зарождение женской любви. Изобразила ее именно через персонажа Медеи. Поэтому упоминание *Троянской Истории* среди произведений, развивших сюжет Медеи в России, было бы весьма желательным, если учесть немаловажную роль, сыгранную этим памятником для появления новой мирской литературы 18-го века. Кроме того, составители не уточняют, что трагедия *Медея* русского драматурга Ф. Г. Карина является переводом одноименного либретто Гоффмана, написанного в свою очередь на основе корнелевской *Médée*²⁵. Неточности встречаются и в упоминании *Медеи* В. Озерова. Эта трагедия, которая на самом деле является почти дословным переводом *Médée* Бернара Де Лонжпьера (1694), не восходит к 1810, как читаем в *Словаре*, а к 1819 году. К тому же, в переводе французской трагедии конца XVII-го века приняли участие шесть видных поэтов того времени: первое действие перевел С. Н. Марин вместе с И. А. Озеровым, второе же перевел А. А. Дельвиг, в то время как за третье и четвертое принялись соответственно Н. И. Гнедич и П. А. Катенин. Пятым действием занялся А. П. Поморский²⁶.

Подобные неточности, на наш взгляд, обусловлены тем, что *Словарь-указатель* по своей сути — еще глубоко экспериментален. Обширность рассматриваемого мотивно-сюжетного художественного материала, его амбивалентность и предельное сюжетное разнообразие вызывали необходимость развернуть схемы в крайне сжатой форме во избежание методологической непоследовательности или противоречивых концептуальных позиций, что в свою очередь стало причиной, как в словарной статье о Медее, достаточно ощутимых неточностей или упущения важных деталей.

---

²⁵ См. В. И. Саитов, Ф. Г. Карин, один из малоизвестных писателей 2-ой половины XVIII-го века, СПб. 1893.

²⁶ А. А. Дельвиг, *Полное собрание стихотворений*, Ленинград 1959, стр. 233.

Материалы как теоретическая основа Словаря и «критическая лаборатория» проекта

Экспериментальность *Словаря* заключается особенно в том, что это — структура, которая постоянно дополняется и обогащается научными гипотезами, предложенными в статьях *Материалов*: частое применение интертекстуальных приемов придает справочнику чрезвычайную открытость и функциональную обновляемость. Состав и тематика сборников *Материалов* определялись, в частности, очередными задачами для составления *Словаря*: все работы объединены необходимостью открывать новые исследовательские перспективы для *Словаря* или глубже прояснять уже приведенные в нем мотивные и сюжетные словарные статьи. Например, в седьмом выпуске *Материалов* (*Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе*) размещена статья Е. Н. Проскуриной, в которой ученая предлагает дополнения к разделу «календарных» сюжетов, включенному во второй выпуск *Словаря-Указателя*²⁷.

Что касается собственно *Материалов*, то в рамках настоящих заметок невозможно дать представления, с исследовательской или хотя бы критической точки зрения, об их чисто содержательном богатстве.

Можно только заметить, что аналитический подход исследователей продиктован разбираемыми произведениями, которые предельно разнообразны, разнокалиберны и порой концептуально, хронологически и стилистически абсолютно отличны друг от друга. Несмотря на это, каждый сборник

---

²⁷ См. Е. Н. Проскурина, *Святочный и пасхальный сюжеты русской литературы в аспекте мотивного сравнения*, в *Тема, сюжет, мотив в лирике...*, стр. 54–75. В статье Проскурина внесла ясность в типологическую амбивалентность сюжетов, посвященных святочным или чисто рождественским мотивам. В отличие от остальных специалистов, Проскурина считает спорным отождествление этих двух праздников: ученая отмечает, что в сознании русского народа святочный сюжет функционально связан с брачными мотивами, в то время как Рождество связано с мотивом скорби. Наблюдения Проскуриной очень важны для более четкого распределения сюжетов, вытекающих из двух праздников, и были учтены при составлении второго выпуска *Словаря*.

руководствуется специфической тематической задачей, которая внутренне объединяет совершенно разные по затронутым вопросам и выбранной методологии статьи.

Второй выпуск (1998) *Материалов*, например, посвящен теме разработки сюжета и мотива в контексте традиции. Притом под традицией имеется в виду не столько какой-либо определенный литературный период (хотя на самом деле в сборнике преобладают статьи о мотивах и сюжетологии литературы пушкинского времени), сколько каноническая архаичность и «глубинность» самого мотива. На основе заданной тематики авторы рассматривают динамику появления канонических, почти архетипических мотивов в разных произведениях последних трех веков русской литературы²⁸. Работы Е. В. Капиноса²⁹ и Е. Н. Проскуриной³⁰ примерно иллюстрируют динамику перехода канонического мотива в дискретное художественное «измерение» современности через посредничество более традиционного произведения, где каноничность мотива достигла наивысшей формальной дедуктивности.

В своей статье Е. Капинос рассматривает стихотворение *Пироскаф* Баратынского как один из самых совершенных примеров канонического мотива предсмертного послания и устанавливает отраженные сюжетные штрихи этого мотива в некоторых стихотворениях О. Мандельштама (*Еще далеко асфodelей...*, *Silentium*, *Концерт на вокзале*, *Кувшин* и др.). *Еще далеко асфodelей...* и *Пироскаф* связаны друг с другом не только сюжетом плаванья к неизвестному, но и той «веерообразной» (по выражению самого Капиноса) динамикой, с которой

---

²⁸ Ср. В. И. Тюпа, *К вопросу о мотиве уединения в русской литературе Нового Времени*, в *Сюжет и мотив в контексте...*, с. 49–55; Н. Е. Меднис, *Мотив пустыни в лирике Пушкина*, в *там же*, с. 163–171; М. Н. Дарвин, *Мужское и женское в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина*, в *там же*, с. 172–186; Л. П. Якимова, *Мотив чуда в романе Л. Леонова «Пирамида»*, в *там же*, с. 223–239.

²⁹ Е. В. Капинос, *«Пироскаф» Баратынского как интертекст Мандельштама*, в *там же*, с. 196–207.

³⁰ Е. Н. Проскурина, *«Котлован» А. Платонова: поэтика финала*, в *там же*, с. 240–249.

разворачивается сам сюжет. Сюжет океана также функционален для эстетического преломления такого мотива *Пироскафа* в творчестве Мандельштама, как лазоревая урна, из которой вынимается жребий, проступающего в стихотворении *Silentium*³¹. Настолько же важен сюжет «могучей машины», получивший отражение в стихотворении *Концерт на вокзале*.

Проскурина, наоборот, рассматривает осуществление такого древнего сюжета как смерть ребенка в современном тексте без опосредованного заимствования отличающегося крайней канонической мотивной дедуктивностью произведения. В рассмотренном Проскуриной *Котловане* Платонова интертекстуальная связь устанавливается только с остальными произведениями этого неоднозначного, по определению «неканонического» и немонументального писателя: смерть девушки Насти в *Котловане* ассоциируется автором статьи со смертью пятилетнего ребенка в *Чевенгуре*. Согласно Проскуриной, сюжет детской смерти в творчестве Платонова означает, как правило, мотив нежизнеспособности художественного мира писателя. Однако, внешняя сюжетная схожесть не предполагает такую же схожую семантику, поскольку в *Котловане* скорее всего изображается жертвенная смерть. Гипотеза Проскуриной подсказана несколькими смысловыми ключами, переводящими изображаемое событие в библейско-христианскую символику. Таким образом, дискретно-нарративная семантика полностью меняет изначальное значение мотива внутренней бесплодности и раскрывающего его сюжета детской смерти: благодаря своей жертвенности, смерть Насти олицетворяет как раз освобождение от уз нежизнеспособности и обреченной пустоты «котлована». По словам самой Проскуриной, «неожиданно возникает в тексте повести мотив богоприсутствия, теофании³²». Иными словами, парадоксальные мотивные сдвиги в *Котловане* – прекрас-

---

³¹ См. «Спокойно дышат моря груди, / но, как безумный, светел день, / и пены бледная сирень / в черно-лазоревои сосуде» (О. Е. Манделъштам, *Стихотворения, проза, статьи*, Москва 1998, с. 29).

³² Проскурина, «Котлован»..., в *Сюжет и мотив в контексте...*, с. 242.

ный пример того, как более ярко выраженная индуктивность сюжета в современном тексте может влиять на мутацию и развитие канонического (для традиции в целом или для отдельного писателя) мотива.

Состав второго сборника и его тематическая направленность демонстрируют, что *Материалы* дополняют *Словарь*, в основном, трехуровневой трактовкой мотивных и сюжетных вопросов: 1) изучением цельного, традиционного мотивного элемента в изолированном художественном наследии отдельного автора, 2) выявлением и изучением интертекстуальных связей между произведением с каноническими мотивной и сюжетной структурой и более поздними текстами-рецепторами, в которых отразилось сюжетное преобразование-расщепление упомянутой структуры, и, наконец, 3) прослеживанием процессов трансформации, которым подвергается сюжетная семантика традиционного мотива в изолированном творчестве современного автора.

При кардинальных тематических различиях, наблюдаемых в каждом выпуске, инвариантная научная основа *Материалов* и мотивно-сюжетные схемы *Словаря* соприкасаются и «разрастаются» именно в этих трех основных методологических направлениях.

Следует, однако, подчеркнуть еще одну отличительную черту общей методики, наблюдаемой в сборниках, и упомянуть несколько статей, которые могут послужить наглядным примером ее применения.

Выпуск *Материалов* под заголовком *Интерпретация текста: сюжет и мотив* был издан новосибирским Институтом филологии СО РАН в 2001 г. Тематика сборника вносит важные дополнения и уточнения в проблему о взаимоотношениях между мотивом и сюжетом, обозначенную во втором выпуске: понятие традиционного мотива рассматривается не только в связи с *фабулой*, но и в системе других нарративных компонентов, как событие, персонаж, *хронотоп*, тема, символика и лейтмотив. Основой художественного оформления мотива является его связь с сюжетом — это бесспорно. Однако такая связь не может получить поистине художественно

цельную структуру без органического выделения вышеупомянутых компонентов и их «событийного» осуществления через сюжет.

Помещенные в сборнике статьи исследуют динамику этого процесса в литературных образцах или в чисто теоретических рассуждениях (из этого последнего раздела стоит выделить статью И. В. Силантьева, *Мотив в системе категорий нарратива*³³). Особенно интересными нам показались статьи М. Н. Климовой (*Путь разбойника — из истории мифа о великом грешнике в русской литературе*)³⁴ и В. В. Мароши («Роман с кокаином» в русской литературе XX века)³⁵.

---

³³ И. В. Силантьев, *Мотив в системе категорий нарратива*, в *Интерпретация текста...*, с. 13—35.

³⁴ М. Н. Климова, *Путь разбойника (из истории мифа о великом грешнике в русской литературе)*, в *там же*, стр. 120—131. Статья была использована составителями Словаря для сюжета Благоразумного разбойника (см. *Словарь-указатель...*, вып. 1, стр. 24—25). В своей статье, Климова доказывает, как сюжет о великом грешнике, который олицетворяет мотив нравственного преображения павшего человека, подвергался трансформации в русской литературе в зависимости от типа грешника, выбранного в отдельных конкретных произведениях. Как правильно заключает исследовательница, изначальная органичность связи между мотивом и сюжетом разветвляется на различные типологические подгруппы, развитие каждой из которых в русской словесности можно проследить отдельно. Климова применяет эту методологию и к разработке семантического древа мотива супружеской измены, рассмотренного Шатином в *Материалах* 1998 года. Выделяя из схемы старого и благородного супруга, простившего неверную жену, Климова доказывает, что возможно определить для типологических вариантов этого персонажа состав совершенно независимых от изначальной схемы сюжетов (см. М. Н. Климова, *Сюжетная схема «великодушный старик», ее происхождение и трансформация в русской литературе*, в *Интерпретация художественного...*, стр. 31—40).

³⁵ В. В. Мароши, «Роман с кокаином» в русской литературе XX века, в *Интерпретация текста...*, с. 198—201. Наблюдения ученого способствуют значительному прояснению некоторых фундаментальных вопросов, связанных с влиянием предикативных повествовательных компонентов на первоначальную мотивную структуру. В изучении сюжета губительного распространения кокаина в русском богемном обществе 1920—30-х и 1980—90-х гг. и, в частности, самого главного и гениального произведения, отражающего это социальное явление («Роман с кокаином» Агеева), Мароши приходит к выводу о том, что подобный сюжет представляет интересный пример: «фабульная основа <...> отступает на второй план», в то время как

Итак, каждый сборник Материалов не только разрабатывает новую, не затронутую предыдущими выпусками тематику, но и устанавливает с ними прочную связь, отмечая дополнительные теоретические вопросы, которые смогут осветить глубже и более всесторонне уже рассмотренные темы.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы — это интересное явление в русской и зарубежной тематологии. В нем была предпринята попытка зафиксировать в справочном издании сложнейшую и весьма зыбкую ткань, составляющую структурно-повествовательную основу русской словесности, то есть гамму затронутых и разработанных в ней мотивов и ее сюжетологию.

Этот труд в своем роде уникален, поскольку — в отличие от опубликованных до сих пор в Европе и России тематических словарей — он посвящен исключительно русской литературе и означает первую попытку систематизировать ее мотивно-сюжетное наследие при полном рассмотрении ее эволюции, от средневековья вплоть до наших дней: новосибирский проект применяет оригинальную исследовательскую перспективу, которой нет аналогов в дисциплине русистики. Составители задавались целью охватить как можно шире и обстоятельнее не только мотивную и сюжетную норму древнерусской литературы, но и многочисленные сюжеты, возникшие и порой непредсказуемо преобразовавшиеся в русской литературе в течение последних четырех столетий.

Как было уже отмечено в разборе тематической статьи, посвященной Медее, в справочнике еще встречаются неточности, но нужно учесть, что речь идет о труде энциклопе-

---

в повествовании преобладает ассоциативно-символический компонент. К тому же, сам сюжет распадается на многочисленные типологические варианты и в то же самое время эволюционирует в «индивидуальных» вариантах: первоначальная любовно-симуляционная линия сменяется либо обогащается мотивом любви к смерти или личностного разрушения, вплоть до полного развития этой линии в романе Агеева. Наблюдается еще «эксцессивный» (по терминологии Мароши) вариант сюжета, где полностью исключается мотив смерти, но частично сохраняется мотив личностного разрушения (без самоубийства).

дического размаха, имеющем в основном еще экспериментальный характер. Мы надеемся, что незначительные недостатки справочника будут устранены в следующих изданиях проекта, который, на наш взгляд, справляется все равно успешно с своей главной задачей — ввести в научный оборот трудно поддающийся классификации материал и тем самым облегчить изыскания исследователя.

В свете сказанного, считаем нужным высказаться о важном значении *Словаря* и *Материалов* для развития определенных научных сфер русистики.